

А. Н. Гуторова

Юго-Западный государственный университет
(Курск)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАРОДНОГО ДОВЕРИЯ К СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Обеспечение доверия граждан к судебной власти достигается путем использования таких конституционно-правовых инструментов, как сочетание профессионального и непрофессионального правосудия, публичное отправление правосудия, предоставление доступа к информации о деятельности судов, конституционный порядок назначения на должность и освобождения от нее, предъявление определенных требований к поведению судей. Автор исходит из необходимости различать доверие населения к судебной системе и конкретному судье, рассматривая их как общее и особенное.

При анализе категории предоставления информации о деятельности судов в статье обращается внимание на проблему осуществления судьями и судами несвойственной им функции. Привлечение технических специалистов для ведения сайтов, осуществления онлайн-трансляции – это исполнительно-организационная функция. Выполнение ее судами ставит под угрозу независимость судебной системы.

Одним из способов обеспечения доверия граждан к судебной системе представляется обеспечение открытости и доступности информации о судебных решениях. По мнению автора, в современной России указанная информация полностью открыта и доступна. Для повышения доверия населения и укрепления принципа независимости правосудия автор предлагает установить порядок назначения судей федеральных судов на должности и освобождения от этих должностей на основе единой модели правового регулирования.

Ключевые слова: судебные органы, конституционные гарантии, публичность, независимость судов, общественное мнение, правосудие, несменяемость судей

Для цитирования

Гуторова А. Н. Конституционно-правовое обеспечение народного доверия к судебной власти // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 4–18. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_4.

УДК 342.56

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_4

В условиях конституционно гарантированной системы разделения публичной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви немаловажную роль играет механизм обеспечения народного доверия судьям и судам. Правосудие – особый вид государственной деятельности, главное предназначение которого заключается в исследовании и установлении юридических фактов, а также в применении права в конкретном юридическом деле. С этой точки зрения судебная власть – наиболее унифицированный институт в аппарате государства, в нем в наименьшей мере (по сравнению с законодательной и исполнительной властью) проявля-

ется национальная специфика. Суды во всех странах осуществляют примерно одинаковые функции и строят свою деятельность в основном на одних и тех же принципах.

Чтобы граждане доверяли судам, последние должны быть компетентными, беспристрастными и независимыми [Завьялова 2018: 4]. Задача конституционно-правового регулирования состоит в том, чтобы беспристрастность и независимость судов и судей максимально эффективно гарантировались и обеспечивались [Кизирбозунц 2017: 8]. При этом конституционно-правовой инструментарий для выполнения данной задачи может использоваться различный и дифферен-

цированный. Здесь, напротив, не существует каких-либо универсальных стандартов в масштабе мирового сообщества. Судебная система России имеет свою политико-правовую историю и специфику, что должны учитывать конституционный законодатель и правоприменитель.

В зарубежных странах гарантии доверия граждан к судебной власти отличаются большим разнообразием. Так, во Франции гарантом независимости судебной власти объявляется Президент Республики, которому «помогает» в этом Высший совет магистратуры (ст. 64 Конституции Франции). В силу ст. 97 Конституции ФРГ судьи назначаются на штатные должности на постоянной основе, но могут быть уволены, освобождены от должности, переведены на другое место или уволены в отставку. Это возможно только на основании судебного решения по основаниям и в форме, которые устанавливаются законом. Согласно ст. 101 Конституции Италии правосудие отправляется именем народа. В отличие от Италии, в Испании, так как это государство с иной формой правления, в ст. 117 Конституции устанавливается, что судебная власть исходит от народа, но осуществляется именем Короля. Судьи должны быть не только независимыми, но и несменяемыми и ответственными.

В соответствии со ст. 178 Конституции Польши, которая признает принцип несменяемости судей, судьям обеспечиваются условия труда и вознаграждение, которые должны соответствовать, во-первых, достоинству должности, во-вторых, объему их прав и обязанностей. Таким образом индексация судей не вступает в противоречие с представлениями граждан об основных вопросах социальной справедливости, чем дополнительно обеспечивается доверие граждан к политике государства в отношении институционализации судебной системы.

В Австрии (ст. 86 Конституции Австрии) доверие граждан к судебной системе обеспечивается конкурсной формой назначения судей на должности. Несмотря на то что такое назначение отнесено к функциям главы государства и Федеральный президент вправе делегировать соответствующее полномочие компетентному федеральному министру, список кандидатур должен состоять «по меньшей мере из трех лиц», а если мест несколько, то

число кандидатур должно быть по меньшей мере «вдвое больше, чем число подлежащих назначению судей».

Из приведенных примеров следует, что конституционно-правовой инструментарий, используемый для обеспечения доверия граждан к судам и правосудию, действительно весьма разнообразен [Абдулин 2020: 38], позволяет сочетать сменяемость и несменяемость судей, их назначение главой государства или другими лицами, с гарантиями конкурсного отбора и без такового и т. п. Главное же в том, что конституционные системы зарубежных стран в подавляющем большинстве избегают прямых выборов судей; считается, что избирательная система допустима лишь при применении механизма формирования политических деятелей (глав государств и парламентариев).

Избирательная система дает мощные стимулы для обеспечения народного доверия. Отчасти этот опыт признавался в СССР, где проводились выборы народных судей на «нижних» ступенях системы судов общей юрисдикции. Однако при регулировании судебной деятельности конституционный законодатель, как правило, жертвует одной конституционной ценностью (народное доверие) в пользу другой (эффективное выполнение правосудием присущих ему конституционных функций), не отрицая самой необходимости народного доверия к судебной системе. Принципиально важно, что суды в конституционном праве зарубежных стран позиционируются вне политики, дистанцируются от мирного соперничества политических партий и, следовательно, от свободных и конкурентных выборов. При этом конкуренция кандидатов на должности судей очень даже поддерживается, но реализуется она при помощи несколько иных конституционных приемов и методов.

Полагаем, что в конституционно-правовых исследованиях следует различать задачи обеспечения народного доверия к судебной системе и к судьям. В институциональном аспекте указанные категории соотносятся как общее и особенное: доверие судьям – необходимое, но не достаточное условие доверия к судам и судебной системе в целом. При определенных обстоятельствах, однако, возможно и обратное утверждение: гражданин может не доверять конкретному судье

(и заявить в этих целях ходатайство об отводе судьи), но доверять судебной системе в целом (полагая, что суды организованы демократично, эффективно, способны полноценно защищать права и свободы человека и гражданина и т. п.). Недоверие к судебной системе невозможно преодолеть отводом судьи или неприятием судебной власти. Последняя действует независимо от воли граждан и является для субъектов правоотношений юридически обязательной [Канатов, Мунайтбасов 2015: 43].

Вопрос о доверии к судьям на институционально-конституционном уровне органически связан с проблемой коллегиальности и профессионализма в отправлении правосудия [Носова 2020: 665]. Это именно конституционно-правовой вопрос [Кокотов 2014: 97], который не разрешается лишь в текущем процессуальном законодательстве по усмотрению действующего состава парламента, о чем свидетельствует не только опыт конституционного регулирования в зарубежных странах, но и отечественная политико-правовая история. В частности, в Конституции СССР 1977 г. имелась норма о том, что все суды осуществляют деятельность на коллегиальной основе. В Конституции РФ такой нормы нет, но закрепляются гарантии рассмотрения уголовных дел определенной категории судами с участием присяжных заседателей. Таким образом, позднесоветские государство и право гарантировали доверие граждан судам путем создания коллегии, состоящей из трех лиц (трое профессиональных судей или один профессиональный судья и два народных заседателя). Конституция СССР 1977 г. категорически запрещала единоличное разрешение каких-либо судебных дел. Сегодня же единоличное отправление правосудия не запрещается, но предусматриваются гарантии развития института суда с участием присяжных заседателей, которых в советской России вообще не было.

Полагаем, что в практике коллегиального рассмотрения всех дел в судах (за исключением института суда с участием присяжных заседателей, в котором присяжные представляют собой коллегию, но судья осуществляет свои функции единолично) наблюдается своего рода конституционный регресс. Применявшееся в позднесоветской России требование о коллегиальности состава суда можно было бы в правовую систему вернуть,

но не возвращаться к опыту привлечения народных заседателей, а включать в состав коллегии именно трех профессиональных судей. Такое решение имело бы положительный эффект и значительно повысило бы доверие граждан к судебной системе, хотя, конечно, повлекло бы за собой дополнительные расходы за счет средств федерального бюджета либо повысило и без того высокую нагрузку на судей [Бумагин 2014].

Проблема участия в судах присяжных заседателей могла бы разрешаться и весьма радикально вплоть до введения конституционной нормы о том, что подавляющее большинство уголовных дел разрешается только судами с участием присяжных. Это также повысило бы доверие граждан к судебной системе, но обернулось бы дополнительными государственными расходами. Однако в современной России подобных законодательных тенденций не наблюдается. В связи с этим считаем более обоснованной сдержанную научную позицию, которая опирается на разумный и прагматический подход. Законодатель сегодня не намерен радикально менять конструкцию судебной власти, поэтому регулирующее воздействие в целях обеспечения доверия граждан к судьям и судам должно совершенствоваться в рамках имеющихся приоритетов внутренней политики страны.

Вместе с тем нельзя не заметить, что многие зарубежные конституционно-правовые системы придерживаются в данном вопросе более фундаментальных институциональных решений. Приведем несколько современных примеров конституционного регулирования организации уголовных судов с участием присяжных заседателей в конституционном праве зарубежных стран.

Так, согласно ст. 27 Конституции Венгрии суды должны выносить приговор в составе присяжных по общему правилу, если иное не будет предусмотрено законом. Если сравнивать это положение с нормой ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, становится очевидным, что российские гарантии выглядят менее существенными. В Венгрии суды присяжных рассматривают все уголовные дела, если исключения из этого общего правила не установлены законом. В конституционном праве России лишь гарантируется право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных, если инкриминиру-

емое деяние предполагает наказание в виде смертной казни (на применение которой в России решениями Конституционного Суда РФ установлен мораторий и которая напрямую запрещена конституциями многих зарубежных стран).

В Конституции Австрии (ст. 91) имеется норма о праве народа на участие в отправлении правосудия. По делам о преступлениях, за которые может быть назначено суровое наказание, а также по делам о всех политических преступлениях и проступках вопрос о виновности обвиняемого решают присяжные. Они должны участвовать в уголовном судопроизводстве по делам и о других уголовно наказуемых деяниях, но только если подлежащая назначению мера наказания может превысить установленный законом предел.

Общность подходов конституционных законодателей Австрии, Венгрии и ряда других зарубежных государств заключается в том, что суды с участием присяжных должны действовать в случаях потенциального применения суровых уголовно-правовых санкций или при рассмотрении преступлений отдельных категорий, но не всех. С этой точки зрения наблюдается явное методологическое родство с конституционным правом России. Отличие состоит в широкой дискреции федерального законодателя, который недостаточно связан конституционными нормами и может применять положения уголовно-процессуального законодательства в значительной степени по своему усмотрению (ч. 4 ст. 123 Конституции РФ), если только состав преступления не предполагает назначения смертной казни (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ). Лишь в последнем случае вступают в силу прямые конституционные гарантии, которые обязывают федерального законодателя организовать уголовный суд с участием присяжных. Что же касается ч. 4 ст. 123 Конституции РФ, то она имеет настолько абстрактное содержание, что не обязывает федерального законодателя даже к небольшому расширению составов преступлений по сравнению с требованием ч. 2 ст. 20 Конституции РФ о гарантировании права обвиняемого на суд с участием присяжных при наличии в уголовном законодательстве санкции за данное правонарушение в виде смертной казни.

Значение уголовных судов с участием присяжных заседателей с точки зрения механиз-

ма обеспечения доверия граждан к судебной власти сложно переоценить. Доверие, конечно, необходимо при осуществлении судопроизводства всех видов – конституционного, гражданского, административного, арбитражного. Однако общественное мнение связывает доверие к судебной системе главным образом с доверием к отправлению *уголовного* правосудия ввиду суровости санкций и существенности других правовых последствий для правонарушителей. Если виновность или невиновность человека устанавливает коллегия лиц, случайно выбранных из народа и привлекающихся к отправлению уголовного правосудия в первый и, вероятно, в последний раз в своей жизни, вопрос о совести

Большое значение в системе обеспечения народного доверия к судам имеют также публичное отправление правосудия и предоставление доступа к информации о деятельности судов

и беспристрастной оценке доказательств проявляется с наибольшей остротой. Связанность профессионального судьи народным решением о доказанности или недоказанности обстоятельств преступления не просто повышает доверие граждан к государству и праву, но совершает своего рода «переворот» в правосознании, который наблюдался в нашей стране в период реформ Александра II, а также во многих зарубежных странах в различные периоды их развития, когда они учреждали суды с участием присяжных заседателей и отказывались от «инквизиционных», т. е. сугубо обвинительных, форм уголовного судопроизводства.

Проблема доверия граждан к судам и судебной системе, разумеется, не исчерпывается вопросом о нормативно-правовом выборе между профессиональным (постоянно действующие судьи) и непрофессиональным (присяжные заседатели, народные заседатели, арбитражные заседатели) правосудием, а также коллегиальной и единоличной формами судопроизводства. Большое значение в системе обеспечения народного доверия к судам имеют также публичное отправление правосудия и предоставление доступа к информации о деятельности судов [Боброва 2020: 86].

В исторические эпохи, когда правосудие зарождалось и развивалось, человечество не знало цифровых технологий. В силу этого основной формой обеспечения гласности, публичности и транспарентности судов являлось предоставление публике доступа в залы заседаний.

Судебные заседания, особенно по уголовным делам с участием коллегии присяжных заседателей, приобретали свойства «шоу» и средства «развлечения толпы». Процессуальное законодательство было вынуждено заботиться о поддержании дисциплины в зале посредством установления соответствующих полномочий председательствующего в судебном заседании, судебных приставов и других представителей системы охраны общественного порядка [Воронцова 2019: 73]. Считалось, что чем больше публики может охватить зал судебного заседания, тем демократичнее выглядит судебный процесс. В современном мире обстоятельства существенно изменились. Цифровые технологии позволяют свободно транслировать любое судебное заседание в сети Интернет, причем этому могут воспрепятствовать только соображения недопустимости разглашения охраняемой законом тайны. Всякий раз, когда распространяемые в суде сведения не охраняются законом, какие-либо другие ограничения гласности судопроизводства можно считать нарушением требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Примечательно, что в России действует Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Однако несмотря на внесение в 2020 г. ряда изменений и дополнений в главу 7 Конституции РФ, вопросы доступа к информации о деятельности судов на конституционном уровне урегулированы не были, все соответствующие нормы остались в упомянутом Законе. При этом ряд его принципов и положений, на наш взгляд, имеют очень большое значение и должны были бы закрепляться непосредственно в главе 7 Основного закона страны.

Указанный Федеральный закон (ст. 1) вводит понятие «информация о деятельности судов», под которой понимаются, во-первых, «информация, подготовленная судами» (т. е., по сути, их официальная публичная информация), во-вторых, «информация, поступившая в суды» (главным образом речь идет о со-

держании обращений заявителей), в-третьих, нормативные правовые и правоприменительные акты (первые регулируют деятельность судов, вторые – являются результатом их деятельности). Полагаем, что данное нормативное определение выглядит достаточно полным, однако оно не до конца отражает важность общественной оценки деятельности судебных инстанций. Получается, что мнение журналистов, интервьюеров, блогеров и других аналогичных лиц о функционировании судебной системы не входит в понятие информации о деятельности судов и подпадает под какой-то иной конституционно-правовой режим в механизме реализации свободы мысли, слова и права на выражение мнения, но не под нормы Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

Считаем, что общественное мнение действительно не должно «вмешиваться» в судебную тяжбу и тем более оказывать какое-либо давление на судей. Задача представителей закона заключается в скрупулезном исследовании доказательств, представленных каждой из сторон, и верном истолковании подлежащих применению правовых норм. Если в данные процессы будет вмешиваться журналистика, правосудие не сможет выполнить свою конституционную задачу быть объективным и беспристрастным. Однако здесь применима и противоположная логическая цепочка: ничем не связанный с точки зрения внешних обстоятельств и общественного внимания судья тоже рискует нарушить свои публичные обязанности, но по другим причинам (злоупотребление правом, которое может быть мотивировано профессиональной деформацией, коррупцией, некомпетентностью и т. п.) [Рябцева 2021: 55; Бухарев 2015: 128]. Полагаем, что судебные процессы не могут быть келейными и закрытыми (если только речь не идет об охране государственной или частной тайны, что специально оговаривается в законодательстве; тогда проводится закрытое судебное заседание). Общество должно иметь широкие возможности наблюдать за ходом судопроизводства. И только этими и им аналогичными методами можно в долгосрочной перспективе обеспечить полноценное доверие граждан к судам и к судебной системе.

Анализируемый закон ввел в правовую систему страны категорию «единое инфор-

мационное пространство федеральных судов и мировых судей». Это, на наш взгляд, важный конституционно-правовой феномен. Судебная система не является единой в том смысле, что разграничиваются виды юрисдикции (конституционная, общая, арбитражная), полномочия судов, процессуальные основы их деятельности (конституционный, гражданский, арбитражный, административный, уголовный процессы). Каждый судья выступает процессуально независимым лицом, хотя его действия и бездействие можно обжаловать в установленном законом порядке. Единство судебной системы означает внутреннюю согласованность входящих в нее структурных элементов, обеспечение их эффективного взаимодействия.

Однако единое информационное пространство судов предполагает уже нечто совершенно иное вплоть до централизованных служб сайтов и единых информационных организаций для всей судебной системы (при этом руководитель суда не должен будет полностью отвечать за организацию и деятельность всей информационной системы суда). Полагаем, что это весьма перспективное направление дальнейшего развития законодательства вплоть до возложения соответствующей компетенции на федеральное Министерство юстиции. Информирование граждан о деятельности судов, строго говоря, не функция председателей судов, судей и работников судебного аппарата (секретарей судебных заседаний, помощников судей и т. д.). Здесь более четко прослеживаются конституционные функции исполнительной власти.

В советский период Министерство юстиции выполняло сравнительно большое количество функций, но затем его позиции значительно ослабли отчасти ввиду того, что конституционному принципу разделения властей было уделено чрезмерное внимание [Шагиев 2015: 59]. Из компетенции Министерства юстиции и его структурных подразделений в субъектах РФ оказались исключенными многие важнейшие государственные функции, например публичное управление адвокатурой, нотариатом и материально-информационное обеспечение деятельности судов. Полагаем, что многие права и обязанности, которые Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» возлагает на Су-

дебный департамент и его органы, органы судебного сообщества и председателей судов, в действительности должны были быть переданы централизованно Министерству юстиции и его структурным подразделениям в субъектах РФ [Абдулин 2015: 162]. Только в этом случае можно было бы говорить о наличии «единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей».

Данному нормативному решению, по нашему мнению, не может воспрепятствовать то обстоятельство, что порядок обеспечения доступа граждан к информации о деятельности судов может регулироваться не только федеральными нормативными правовыми актами, но и законодательством субъектов РФ. Конституции (уставы) и законы субъектов РФ могут наделять дополнительными правами и обязанностями территориальные органы федерального Министерства юстиции несмотря на то, что эти органы не входят в систему государственных органов субъектов РФ. Сложившееся в течение последних десятилетий представление о том, что законодательство субъектов РФ якобы не вправе регламентировать деятельность территориальных органов федеральных органов власти, на наш взгляд, противоречит сути федеративных отношений и конституционной природе региональной законодательной власти.

Судебный департамент и его органы фактически выполняют функцию ненадлежащего замещения конституционных полномочий Министерства юстиции и его органов, поскольку функция судей и судов – отправлять правосудие, но не осуществлять исполнительно-распорядительную деятельность, включающую в себя наем специалистов в сфере цифровых технологий, ведение сайтов в Интернете, осуществление трансляции судебного заседания и т. п. Суды не должны наделяться не свойственными им исполнительно-организационными функциями еще и потому, что это порождает исполнительно-организационную зависимость от вышестоящего публичного менеджмента, нарушая тем самым институциональную независимость судебной власти.

Обеспечение доступности информации о деятельности судов – весьма затратная (с точки зрения бюджета) функция, о чем свидетельствует, в частности, предписание ч. 2 ст. 9 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности

судов в Российской Федерации». Закон обязывает создавать соответствующие структурные подразделения или определять ответственных должностных лиц в судах, в Судебном департаменте, в органах Судебного департамента и в органах судейского сообщества. Необходимо также иметь регламенты, которые регулируют их деятельность. Подчеркнем, что эта функция имеет мало общего с правосудием в конституционно-правовом смысле (здесь необходимы свобода, беспристрастность, независимость, несменяемость, неприкосновенность и т. д.), но представляет собой вид «исполнительно-распорядительной деятельности» (здесь, напротив, конституцией и законом правомерно культивируются ответственность, дисциплина, иерархия, связанность административными распоряжениями и т. д.).

В связи со стремительным развитием цифровых технологий, которое наблюдается в наше время, возникает риск почти полного замещения «живого» судебного процесса его цифровым суррогатом. С помощью видеоконференцсвязи, по существу, могут быть не только организованы допрос свидетелей, выступление истца и ответчика, обвиняемого, адвоката или прокурора, но и обеспечено присутствие самих судей и присяжных заседателей [Жегулина 2018]. Применение данных цифровых средств «размывает» юридический смысл важнейшего процессуально-правового понятия очного или заочного разбирательства (участвующие в процессе лица присутствуют «дистанционно», что нельзя назвать строго очным или заочным). Особенно активно внедрению подобных форм способствовали события конца 2019 г. – начала 2020 г., когда мировое сообщество столкнулось с проблемой распространения пандемии COVID-19, граждане были вынуждены соблюдать режим локдауна, многие государственные учреждения приостанавливали свою деятельность на длительное время. В настоящее время степень угрозы распространения коронавирусной инфекции снизилась, однако привычка к использованию цифровых технологий осталась.

Полагаем, что «живое» судебное разбирательство (с фактическим присутствием участников в зале судебного заседания, их непосредственным выступлением в зале перед публикой) оказывает большое воспитательное

влияние и не должно даже в перспективе полностью замещаться цифровыми технологиями. Этому, однако, не препятствует всеобщая трансляция в сети Интернет всех текущих открытых судебных заседаний (в отличие от закрытых заседаний, режим которых регулируется процессуальным законодательством и исключает разглашение соответствующих сведений ввиду режима охраняемой законом тайны). Полагаем, что соответствующую обязывающую норму можно было бы установить в действующем процессуальном законодательстве применительно ко всем способам управления правосудия.

По сравнению с советской эпохой современное российское судопроизводство сделало огромный шаг вперед в обеспечении доступа граждан к судебным решениям. В советской России для этого нужно было обращаться в канцелярию суда, делать выписки, претерпевать бюрократические проволочки; сегодня же достаточно одного «клика» на компьютере [Долженко 2019]. Информация о судебных решениях в современной России полностью открыта и общедоступна. Это важный показатель демократичности судебной системы и уровня доверия граждан к ее функционированию [Печегин 2021: 18], который в современной России уже достигнут.

Признавая важность указанных достижений, некоторые положения Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» можно было бы подвергнуть критическому осмыслению. Так, вызывает сомнения обоснованность требований ст. 14 Закона, которая обязывает суды размещать информацию по определенному и весьма негибкому перечню, что может породить юридические недоразумения при внешних признаках правонарушения. Так, Закон обязывает каждый суд размещать на своем сайте буквально «перечень законов, регламентирующих деятельность суда». Очевидно, что полностью выполнить данное требование силами одного суда невозможно. Отчасти эту функцию выполняют справочные правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант» и др., но даже они не имеют оснований претендовать на полноту сведений обо всех законах, которые регламентируют деятельность судов, особенно с учетом «подвижности» законодательства, внесенная в него изменений и дополнений.

С прикладной точки зрения критикуемое положение означает, что штат каждого суда должен включать в себя как минимум одного специалиста, в функциональные обязанности которого входили бы отслеживание перечня законов, регулирующих деятельность данного суда, и обновление соответствующей информации на его официальном сайте. Однако насколько это необходимо в условиях, когда ту же работу, но гораздо более качественно, выполняют многочисленные коллективы IT-специалистов названных справочно-поисковых юридических систем? В современной России нецелесообразно требовать от каждого суда отслеживать изменения в законодательстве и корректировать соответствующую строку на официальном сайте. Указанное полномочие, на наш взгляд, нужно было бы возложить централизованно на Министерство юстиции РФ, либо Государственной Думе вообще следовало бы отказать от соответствующего законодательного требования. Конституционную цель повышения доверия граждан к судебной системе за счет обеспечения транспарентности информации о деятельности судов не следует, на наш взгляд, достигать бюрократическими методами [Левина 2019: 28], особенно потому что расцвет бюрократии как раз и способствует падению престижа публичной власти в глазах широкой общественности [Неретина 2020: 201].

Большое значение в механизме обеспечения доверия граждан к судебной власти имеет конституционный порядок назначения судей на должности и освобождения их от занимаемых должностей. Сравнение данных механизмов в современной и позднесоветской России показывает, что законодатель отказался от коллегиально-депутатской формы наделения судей полномочиями, предпочитая путь установления соответствующей компетенции главы государства для всех федеральных судов, кроме высших судебных инстанций (в последнем случае является необходимой реализация компетенции Совета Федерации как одной из палат федерального парламента при инициативном участии Президента РФ). Исключение из этого правила – порядок назначения мировых судей, имеющих смешанный статус судей судов общей юрисдикции и судей, входящих в систему государственной власти субъектов РФ. В связи

с этим порядок их назначения регулируется законодательством субъектов РФ, но рамки такого регулирующего воздействия определяются федеральным законом.

В современной России состав судей не должен подвергаться частой ротации как, например, депутатский корпус или чиновники исполнительно-распорядительного аппарата. Но имеется ряд исключений из общего правила: во-первых, пребывание в судейской должности ограничено предельным возрастом; во-вторых, на судей может быть наложено дисциплинарное взыскание в форме досрочного прекращения полномочий по решению органов судейского сообщества; в-третьих, лица, уполномоченные на назначение судей, при определенных обстоятельствах вправе принять решение и о досрочном прекращении полномочий назначенных лиц (данная концепция, в частности, проявила себя в ряде конституционных поправок 2020 г.) [Кряжков 2020].

Назначение значительного количества судей правовым актом Президента РФ с точки зрения института публичного доверия граждан к судебной власти имеет как достоинства, так и недостатки. Достоинством является то, что глава государства – всенародно избранное лицо, которое пользуется в силу этого значительным народным доверием. Кроме того, к числу преимуществ такой формы назначения судей на должности следует отнести блокирующее воздействие на процессы регионального и местного влияния на судей (судьи воспринимаются как федеральные представители власти, что гарантирует особое доверие к ним на местах). Вместе с тем сугубо президентская компетенция назначения судей на должности, лишняя какого-либо парламентского участия, вызывает критическую оценку, особенно с учетом того, что судьи высших судов (Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ) назначаются в другом порядке, что предполагает компетенцию Совета Федерации по окончательному решению данного кадрового вопроса [Костюков 2018].

Полагаем, что переход к единому механизму назначения федеральных судей по формуле «Президент РФ предлагает, Совет Федерации решает» в значительной степени позволил бы повысить доверие граждан к судебной системе. Гарантии конкурсного отбора судей

и защиту их от излишнего политического влияния конкурирующих политических партий можно было бы таким образом сохранить (в отличие от Государственной Думы, в Совете Федерации нет фракций, верхняя палата формируется вне избирательной системы и представляет собой лишь дополнительное средство профессионального отбора судей по их личным и деловым качествам). При этом в законодательстве можно было бы установить, что Президент РФ предлагает Совету Федерации для назначения на каждую из судебных должностей не менее двух кандидатур.

Данный механизм, конечно, «проигрывает» избирательной системе в достоинствах обеспечения прямого мандата народного доверия. Однако следует учитывать, что судебские должности не могут и не должны замещаться посредством всеобщих, равных, прямых и тайных выборов на срочной основе. В какой-то степени это было возможно в СССР [Мумлева 2011], потому что в тот период существовала только одна политическая партия, имевшая статус «руководящей и направляющей силы» советского общества. Все другие политические движения если и действовали, то на нелегальном или полунелегальном положении. Если сегодня в России в качестве эксперимента установить выборность районных и городских судей судов общей юрисдикции, довольно быстро станут развиваться партийно-номенклатурные принципы отбора судей вместо критерия надлежащих личных и деловых качеств.

Полагаем также, что для повышения уровня доверия граждан к судебной системе следовало бы изменить порядок досрочного прекращения полномочий уже назначенных судей. Одной из важнейших гарантий независимости правосудия является альтернативный порядок досрочного прекращения полномочий, который не должен быть «зеркальным» отражением процедуры наделения судей соответствующими полномочиями. Так, назначают судей на должности, по сути, одновременно Совет Федерации и Президент РФ (при конструкции «Президент РФ предлагает, Совет Федерации решает»), причем ни один из этих двух органов не обладает правом самостоятельного решения данного вопроса кадровой политики, здесь действует принцип «двух ключей». В вопросе же досрочного прекращения полномочий конституционному законодателю, на наш взгляд, следовало бы пол-

ностью исключить какую-либо компетенцию и Совета Федерации, и главы государства. Уполномоченным здесь должно быть третье лицо, имеющее отношение к ветви судебной власти. В свое время в России предпринималась попытка создания Дисциплинарного судебного присутствия [Рамазанов, Эльдаров 2011]. Вероятно, более перспективной была бы передача соответствующей компетенции Конституционному Суду РФ, поскольку любой вопрос досрочного прекращения полномочий судьи без его воли в значительной степени приобретает конституционно-правовой характер. Решение подобных проблем не должно составлять компетенцию ни органов судебной системы, ни Верховного Суда РФ как лица, которое заинтересовано в разрешении соответствующих вопросов кадровой политики и не может быть «судьей в собственном деле» [Казанцев 2017: 26].

Предлагаемый нами конституционный порядок назначения на должности и освобождения от них судей федеральных судов на основе единой модели правового регулирования имеет и ряд других преимуществ, способствующих укреплению принципа независимости правосудия и доверия граждан к судам. Считаем это доказанным и не нуждающимся в дополнительном обосновании. Вместе с тем высказанное нами предложение имеет ряд негативных побочных эффектов. Следует обратить внимание на два из них: во-первых, остается открытым вопрос о круге субъектов права инициативы о досрочном прекращении полномочий судьи в Конституционном Суде РФ; во-вторых, становится институционально затруднительным досрочное прекращение полномочий судьи Конституционного Суда РФ по решению того же Конституционного Суда РФ. Полагаем, однако, что указанные затруднения можно было бы преодолеть с помощью соответствующих инструментов конституционно-правового регулирования общественных отношений.

Право инициативы досрочного прекращения полномочий судьи может принадлежать весьма широкому кругу лиц, что не предопределяет позицию Конституционного Суда РФ и не связывает его в принятии окончательного решения. С точки зрения механизма доверия граждан к судебной системе важно исключить сосредоточение соответствующей функции в рамках компетенции лишь одного органа или должностного лица (Пре-

зидента РФ, Генерального прокурора РФ, Верховного Суда РФ и др.). При этом, вне сомнения, правом возбуждения в Конституционном Суде РФ инициативы о досрочном прекращении полномочий федерального судьи (включая судью Конституционного Суда РФ) должны обладать и Президент РФ, и Генеральный прокурор РФ, и Верховный Суд РФ. В этом, на наш взгляд, нет какой-либо угрозы независимости правосудию. Напротив, так в конституционном демократическом процессе реализуется порядок разрешения публично-правовых конфликтов кадрового характера.

Если имеются основания для досрочного прекращения полномочий федерального судьи, причем они соответствуют букве и духу законодательства, таким основаниям должна быть дана юридическая оценка. Факты подобного рода не могут скрываться, умалчиваться и т. д. Если они стали известны Президенту РФ, то он юридически обязан обратиться с инициативой в Конституционный Суд РФ без какого-либо согласования с Генеральным прокурором РФ или Верховным Судом РФ. Если сведениями такого рода обладают Генеральный прокурор РФ или Верховный Суд РФ, то они, в свою очередь, должны выступить с соответствующей инициативой без какого-либо предварительного согласования вопроса с другими субъектами конституционных правоотношений.

Для обеспечения доверия граждан судам, с одной стороны, важно, чтобы процедура возбуждения производства о досрочном прекращении полномочий судьи была достаточно проста и прозрачна (чтобы исключить умалчивание фактов и обеспечить их последующую юридическую оценку), с другой – окончательное конституционное решение вопроса желательно поручить высокой судебной инстанции, которая гарантирует беспристрастность, отсутствие предопределенности кадрового решения и каких-либо предубеждений в отношении конкретных лиц. При этом считаем недопустимым с конституционно-правовой точки зрения возложение функции досрочного прекращения полномочий судьи на внесудебную инстанцию, включая палаты парламента страны. Подобной прерогативой с позиции конституционного принципа разделения властей может обладать только суд и никто более.

В завершение исследования обратим внимание на проблему институциональной ста-

бильности судебной системы. В вопросах публичного доверия важно поддерживать баланс между стабильностью институтов и ротацией кадров. Под институциональной стабильностью в данном контексте мы понимаем длительное действие соответствующих видов судов и юрисдикций, недопустимость произвольной модернизации судебной системы. Примечательно, что современный конституционный строй России не в полной мере соответствует этому условию. В частности, за период действия Конституции РФ был упразднен Высший Арбитражный Суд РФ при сохранении системы арбитражных судов, а также ликвидированы (точнее, находятся на стадии ликвидации) конституционные (уставные) суды субъектов РФ. В условиях, когда суды соответствующих видов учреждаются и упраздняются, граждане склонны меньше доверять правосудию. Однако это, разумеется, не означает, что конституционный законодатель должен «законсервировать» механизм правового регулирования организации судебной власти и вообще исключить внесение в него каких-либо изменений. Здесь важна конституционная обоснованность соответствующих модернизаций.

Упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ произошло в правовой форме внесения поправок в Конституцию РФ и имело основной целью соединение функций Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в границах компетенции одного лишь Верховного Суда РФ. Это не сопровождалось какими-либо социологическими исследованиями того, доверяют ли граждане и профессиональное сообщество судьям Высшего Арбитражного Суда РФ, насколько качественной выглядела сложившаяся в данном суде правоприменительная практика, и т. п. Конституционный законодатель, по сути, немотивированно отказался от института высшей судебной арбитражной инстанции, однако наделил соответствующим полномочием Верховный Суд РФ и тем самым не допустил, чтобы важная конституционная функция организационно-правового обеспечения деятельности арбитражных судов оказалась бы вне предметов ведения государственного аппарата.

Иначе выглядела ситуация в ходе конституционных поправок 2020 г., вследствие которых правовая система была вынуждена отказаться от конституционных судов республик в составе Федерации и уставных судов

других субъектов РФ [Митусова 2021]. Критики конституционной (уставной) юстиции в субъектах РФ часто приводили в качестве основного аргумента «пассивность» большинства субъектов РФ в учреждении подобных органов, особенно если речь шла не о республиках с титульной национальностью [Курятников 2021], но о других субъектах РФ (к 2020 г. уставные суды действовали только в трех таких регионах – в Санкт-Петербурге, Калининградской и Свердловской областях).

Вполне вероятно, что уставные суды и далее бы «не прижились» на юридической почве современного федерализма и местного самоуправления, однако конституционные суды республик в составе РФ, напротив, были весьма многочисленными, активно функционировали и играли свою роль в обеспечении доверия граждан к институтам власти и действиям государства. После упразднения республиканской конституционной юстиции образовалось «свободное пространство», которое не может быть заполнено ни конституционными советами, ни компетенцией федеральных судов общей юрисдикции, ни как-либо еще. Поэтому с определенной долей уверенности можно утверждать, что, потеряв один из эффективно работавших правозащитных институтов, среднестатистический избиратель стал меньше доверять публичной власти, что не может, на наш взгляд, позитивно сказываться на функционировании государства и права в целом.

«Подвижность» судебной системы в современной России достаточно прочно ограничена конституционными средствами:

1) в Конституции РФ прямо указано, что вопросы судебной системы не могут регламентироваться обычными федеральными законами, а только федеральным конституционным законом;

2) во многих случаях для изменения судебной системы требуются конституционные поправки (Высший Арбитражный Суд РФ было невозможно упразднить без внесения изменений в Конституцию РФ);

3) конституционный законодатель нередко стимулирует изменение судебной системы в конституционной форме вместо законодательной. Так получилось при упразднении конституционных (уставных) судов субъектов РФ, поскольку этот вопрос можно было

разрешить на уровне федерального конституционного закона, однако законодатель предпочел конституционные поправки. В результате в ч. 3 ст. 118 Конституции РФ был закреплен перечень видов судов, входящих в судебную систему Российской Федерации, конституционные (уставные) суды указанная статья не упоминает. Правоприменительная практика истолковала этот перечень как исчерпывающий, что повлекло за собой их упразднение.

Данные обстоятельства, без сомнения, играют позитивную роль и способствуют тому, чтобы судебная система была относительно стабильной и не подвергалась излишне частым изменениям.

Вместе с тем интересы обеспечения доверия гражданского общества к институтам власти и действиям государства требуют дальнейшего совершенствования законодательства о судебной системе и статусе судей, чтобы путем применения конституционных средств гарантировать более высокий уровень независимости, профессионализма и ответственности судов перед обществом и государством. Здесь, напротив, желательны такие тенденции, как движение, изменение, модернизация, следование запросам времени. Суды не должны быть консервативными и отставать от развития общества. В противном случае они быстро потеряют народное доверие или (при его отсутствии или низком уровне), тем более, не смогут его приобрести.

К доверию граждан в судах должна «располагать» буквально каждая «мелочь», от внешнего вида зала судебных заседаний до поведения судей и судебного персонала. Известные Бангалорские принципы поведения судей, в частности, требуют, чтобы судья в своем поведении избегал всего, что может поставить под сомнение его объективность и беспристрастность. Судьи обязаны вести себя достойно и сообразно их статусу, понимать и учитывать социальные различия в обществе, подчеркивать свое равное отношение к участникам процесса, не допускать проявления эмоций, оскорбительных выражений и т. п.

Все это необходимые условия доверия граждан не только конкретному судье, но и судебной системе в целом, потому что су-

дья олицетворяет собой судебную власть и отправляет правосудие именем государства. Конституционный принцип несменяемости судей не может означать вседозволенность в поведении судейского корпуса, его недостойные представители должны, на наш взгляд, исключаться из числа представителей публичной власти. Но это возможно лишь при условии совершения значительно-

го проступка и систематичности неэтичного или противоправного поведения указанных должностных лиц. Произвольное лишение их полномочий представляет угрозу реализации другой важнейшей конституционной ценности – независимости правосудия. В конституционном государстве конкурирующие конституционные ценности нуждаются в соответствующем балансе.

Список литературы

- Абдулин Р. С. Проблемы формирования доверия к суду // Российский судья. 2020. № 11. С. 38–42. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-11-38-42.
- Абдулин Р. С. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: преемственность советского опыта организационного обеспечения деятельности судов и новизна // Genesis: исторические исследования. 2015. № 1. С. 162–196. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.1.13891
- Боброва Д. А. Имидж на доверии: о роли СМИ в процессе информирования общества о работе судов // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 17–18 сентября 2020 года. Ростов н/Д: Ростов. гос. ун-т путей сообщения, 2020. С. 86–91.
- Бумагин А. Н. Публичность правосудия как форма социального контроля судебной власти и фактор общественного доверия к суду // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. 2014. № 5. С. 20–23.
- Бухарев А. В. Учет внепроцессуальных обращений к судьям как мера профилактики коррупции в судах // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2015. № 5. С. 128–132.
- Воронцова И. В. Проблемы привлечения к ответственности за несоблюдение порядка в зале судебного заседания и проявление неуважения к суду // Современное право. 2019. № 11. С. 73–76. DOI: 10.25799/NI.2019.61.54.031.
- Долженко А. Н. Электронный документооборот – платформа эффективной судебной деятельности // Российское правосудие. 2019. № 9. С. 65–75. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.9.65-75.
- Жегулина М. А. Использование систем видеоконференцсвязи в судебном заседании // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 10. С. 7–9.
- Завьялова Т. В. Цель одна – стабильная, сбалансированная судебная практика, предсказуемость судебных актов и повышение доверия к суду // Судья. 2018. № 6. С. 4–9.
- Казанцев А. О. Право законодательной инициативы Конституционного Суда РФ (в контексте принципа «никто не может быть судьей в собственном деле») // Lex Russica. 2017. № 2. С. 26–31.
- Канатов А. К., Мунайбасов Н. М. Деонтологические основы повышения доверия к суду // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2015. № 1. С. 41–44.
- Кизирбозунц Т. М. Эффективность деятельности суда и личный авторитет судьи как основа доверия к институту суда в правовом государстве // Экономика и право. XXI век. 2017. № 2. С. 8–15.
- Кокотов А. Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 97–108.
- Костюков А. Н. Двадцать пять лет конституционной государственности России // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6. С. 18–26.
- Кряжков В. А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32. DOI: 10.31857/S102694520011399-9.

Курытников В. В. Причины упразднения конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Проблемы права. 2021. № 4. С. 26–31.

Левина А. В. Основные направления совершенствования борьбы с бюрократизмом в деятельности государственных служащих // Проблемы и перспективы становления гражданского общества: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Оренбург, 23 января 2019 года. Оренбург: АМИ, 2019. С. 28–30.

Митусова И. А. Причины упразднения института конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 58–60. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-11-58-60.

Мумлева М. И. Реализация принципа выборности судей по первым декретам советской власти о суде (1917–1918 годы) // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2. С. 155–158.

Неретина С. С. Бюрократия власти и власть бюрократии: рецензия на собрание сочинений В. П. Макаренко // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 201–208.

Носова А. А. Доверие к суду как показатель эффективности его деятельности // Трибуна ученого. 2020. № 12. С. 665–670.

Печегин Д. А. Информационные технологии в уголовной юстиции: зарубежные тенденции и проблемные аспекты // Российская юстиция. 2021. № 9. С. 18–26. DOI: 10.52433/01316761_2021_9_18.

Рамазанов Г. С., Эльдаров Р. А. Учреждение Дисциплинарного судебного присутствия как необходимость повышения эффективности судебной защиты // Современное право. 2011. № 2. С. 100–101.

Рябцева Е. В. Организация противодействия коррупции среди мировых судей в Российской Федерации // Российская юстиция. 2021. № 9. С. 55–59. DOI: 10.52433/01316761_2021_9_55.

Шагиев Б. В. Проблемы функционирования Министерства юстиции РФ в системе разделения властей в России // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4. С. 59–63.

Алла Николаевна Гуторова – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета. 305040, Российская Федерация, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94. E-mail: allagutorova@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-0345-6903

Constitutional and Legal Support of People's Trust in the Judiciary

To ensure the confidence of citizens in the state, it is necessary to create such a mechanism in which all public authorities, including the judicial system, will enjoy the support of citizens. The main instruments that ensure the normal functioning of the court are the impartiality and independence of courts and judges, which should be regulated by constitutional and legal norms. Ensuring confidence in the judiciary is achieved through the use of a combination of professional and non-professional justice, public administration of justice, access to information about the activities of the courts, the constitutional procedure for appointment and dismissal, and requirements for the behavior of judges.

The author proceeds from the need to distinguish the trust of the population in the judicial system and in a particular judge, considering them as general and special. Ensuring openness and accessibility of information about court decisions seems to be one of the ways to ensure citizens' confidence in the judicial system. In the author's opinion, in modern Russia, this information is completely open and available. To increase public confidence and strengthen the principle of independence of justice, the author proposes a constitutional and legislative form of the procedure for appointing and dismissing judges of federal courts based on a unified model of legal regulation.

Keywords: judiciary, constitutional guarantees, publicity, independence of courts, public opinion, justice, irremovability of judges

Recommended citation

Gutorova A. N. Konstitutsionno-pravovoe obespechenie narodnogo doveriya k sudebnoi vlasti [Constitutional and Legal Support of People's Trust in the Judiciary], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 4–18, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_4.

References

Abdulin R. S. Problemy formirovaniya doveriya k sudu [Problems of Formation of Trust in the Court], *Rossiiskii sud'ya*, 2020, no. 11, pp. 19–30, DOI: 10.18572/1812-3791-2020-11-38-42.

Abdulin R. S. Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: preemstvennost' sovetского opyta organizatsionnogo obespecheniya deyatelnosti sudov i novizna [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: Continuity of the Soviet Experience in Organizational Support of Courts and Novelty], *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2015, no. 1, pp. 162–196, DOI: 10.7256/2409-868X.2015.1.13891.

Bobrova D. A. Imidzh na doverii: o roli SMI v protsesse informirovaniya obshchestva o rabote sudov [Image on Trust: on the Role of the Media in the Process of Informing Society about the Work of the Courts], *Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu: traditsii i innovatsii* [Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations]: conference papers, Rostov on Don, Rostov. gos. un-t putei soobshcheniya, 2020, pp. 86–91.

Bukharev A. V. Uchet vneprotsessual'nykh obrashchenii k sud'yam kak mera profilaktiki korruptsii v sudakh [Accounting for Non-Procedural Appeals to Judges as a Measure to Prevent Corruption in the Courts], *Vestnik Akademii General'noi prokuratury RF*, 2015, no. 5, pp. 128–132.

Bumagin A. N. Publichnost' pravosudiya kak forma sotsial'nogo kontrolya sudebnoi vlasti i faktor obshchestvennogo doveriya k sudu [Publicity of Justice as a Form of Social Control of the Judiciary and a Factor of Public Trust in the Court], *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Novye gumanitarnye issledovaniya*, 2014, no. 5, pp. 20–23.

Dolzhenko A. N. Elektronnyi dokumentooborot – platforma effektivnoi sudebnoi deyatelnosti [Electronic Document Management as a Platform for Efficient Judicial Activity], *Rossiiskoe pravosudie*, 2019, no. 9, pp. 65–75, DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.9.65-75.

Kanatov A. K., Munaytbasov N. M. Deontologicheskie osnovy povysheniya doveriya k sudu [Deontological Bases for Increasing Confidence in the Court], *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan*, 2015, no. 1, pp. 41–44.

Kazantsev A. O. Pravo zakonodatel'noi initsiativy Konstitutsionnogo Suda RF (v kontekste printsipa «nikto ne mozhet byt' sud'ey v sobstvennom dele») [Right of Legislative Initiative of the Constitutional Court of the Russian Federation (in the Context of the Principle «No One Can Be a Judge in Their Own Case»)], *Lex Russica*, 2017, no. 2, pp. 26–31.

Kizirbozunts T. M. Effektivnost' deyatelnosti suda i lichnyi avtoritet sud'i kak osnova doveriya k institutu suda v pravovom gosudarstve [The Effectiveness of the Court and the Personal Authority of the Judge as the Basis of Trust in the Institution of the Court in a Legal State], *Ekonomika i pravo. XXI vek*, 2017, no. 2, pp. 8–15.

Kokotov A. N. Konstitutsionnyi printsip doveriya v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [The Constitutional Principle of Trust in the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2014, no. 5, pp. 97–108.

Kostyukov A. N. Dvadsat' pyat' let konstitutsionnoi gosudarstvennosti Rossii [Twenty-Five Years of the Constitutional Statehood of Russia], *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2018, no. 6, pp. 18–26.

Kryazhkov V. A. Kak konstitutsionnaya reforma 2020 goda izmenila Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii [How the Constitutional Reform of 2020 Changed the Constitutional Court of the Russian Federation], *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 9, pp. 18–32, DOI: 10.31857/S102694520011399-9.

Kuryatnikov V. V. Prichiny uprazhneniya konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov sub'ektov RF [Reasons for the Abolition of Constitutional (Statutory) Courts of the Constituent Entities of the Russian Federation], *Problemy prava*, 2021, no. 4, pp. 26–31.

Levina A. V. *Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya bor'by s byurokratizmom v deyatel'nosti gosudarstvennykh sluzhashchikh* [The Main Directions of Improving the Fight Against Bureaucracy in the Activities of Civil Servants], *Problemy i perspektivy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva* [Problems and Prospects of Civil Society]: conference papers, Orenburg, AMI, 2019, pp. 28–30.

Mitusova I. A. Prichiny uprazhdeniya instituta konstitutsionnogo (ustavnogo) pravosudiya v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii [Reasons for the Abolition of the Institution of Constitutional (Statutory) Justice in the Constituent Entities of the Russian Federation], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2021, no. 11, pp. 58–60, DOI: 10.18572/1812-3767-2021-11-58-60.

Mumleva M. I. Realizatsiya printsipa vybornosti sudey po pervym dekretam sovetskoj vlasti o sude (1917–1918 gody) [Implementation of the Principle of Electing Judges According to the First Decrees of the Soviet Government on the Court (1917–1918)], *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava*, 2011, no. 2, pp. 155–158.

Neretina S. S. Byurokратиya vlasti i vlast' byurokratii: retsenziya na sobranie sochinenii V. P. Makarenko [The Bureaucracy of Power and the Power of Bureaucracy: a Review of the Collected Works of V. P. Makarenko], *Sravnitel'naya politika*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 201–208.

Nosova A. A. Doverie k sudu kak pokazatel' effektivnosti ego deyatel'nosti [Confidence in the Court as an Indicator of the Effectiveness of its Activities], *Tribuna uchenogo*, 2020, no. 12, pp. 665–670.

Pechegin D. A. Informatsionnye tekhnologii v ugolovnoj yustitsii: zarubezhnye tendentsii i problemnye aspekty [Information Technologies in Criminal Justice: Foreign Trends and Problematic Aspects], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2021, no. 9, pp. 18–26, DOI: 10.52433/01316761_2021_9_18.

Ramazanov G. S., El'darov R. A. Uchrezhdenie Distiplinarnogo sudebnogo prisutstviya kak neobkhodimost' povysheniya effektivnosti sudebnoj zashchity [Establishment of the Disciplinary Judicial Presence as a Necessity to Improve Effectiveness of Judicial Protection], *Sovremennoe pravo*, 2011, no. 2, pp. 100–101.

Ryabtseva Ye. V. Organizatsiya protivodeystviya korruptsii sredi mirovykh sudey v Rossiiskoi Federatsii [Organization of Combating Corruption among Magistrates in the Russian Federation], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2021, no. 9, pp. 55–59, DOI: 10.52433/01316761_2021_9_55.

Shagiyev B. V. Problemy funktsionirovaniya Ministerstva yustitsii RF v sisteme razdeleniya vlastey v Rossii [Problems of the Functioning of the Ministry of Justice of the Russian Federation in the System of Separation of Powers in Russia], *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, no. 4, pp. 59–63.

Vorontsova I. V. Problemy privlecheniya k otvetstvennosti za nesoblyudenie poryadka v zale sudebnogo zasedaniya i proyavlenie neuvazheniya k sudu [Problems of Bringing to Responsibility for Non-Observance of Order in the Courtroom and the Manifestation of Contempt of Court], *Sovremennoe pravo*, 2019, no. 11, pp. 73–76, DOI: 10.25799/NI.2019.61.54.031.

Zav'yalova T. V. Tsel' odna – stabil'naya, sbalansirovannaya sudebnaya praktika, predskazuyemost' sudebnykh aktov i povyshenie doveriya k sudu [The Goal is the Same – Stable, Balanced Judicial Practice, Predictability of Judicial Acts and Increasing Confidence in the Court], *Sud'ya*, 2018, no. 6, pp. 4–9.

Zhegulina M. A. Ispol'zovanie sistem videokonferentssvyazi v sudebnom zasedanii [The Use of Videoconferencing Systems in a Court Session], *Tsentral'nyi nauchnyi vestnik*, 2018, vol. 3, no. 10, pp. 7–9.

Alla Gutorova – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Southwest State University. 305040, Russian Federation, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94. E-mail: allagutorova@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-0345-6903

Дата поступления в редакцию / Received: 02.11.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 06.12.2022